

К ВОПРОСУ О ДЕЛИМОСТИ ТЕКСТА В МАЛЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМАХ АРАБСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Попенков Олег Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва
oleg.popenkov@list.ru

REGARDING THE TEXTUAL DIVISIBILITY IN SHORT ARABIC LITERARY PROSE FORMS

O. Popenkov

Summary: This article explores the problem of text divisibility in short literary forms of Arabic fiction, using the short story "A Life for Others" by Egyptian Nobel laureate Naguib Mahfouz as a case study. The author reveals Naguib Mahfouz's individual style of highlighting specific moments related to content-conceptual information. The division of the seemingly continuous narrative occurs through the alternation of episodes grouped into semantic-functional entities (SFE), the use of dialogues, direct speech of characters, and the internal monologue of the protagonist, all of which are graphically connected. The author concludes that the story reveals a certain technique of the writer – to pause in order to then continue the narrative in an unexpected way. The author hypothesizes that this technique is programmed by the writer.

Keywords: text divisibility, short forms, content-conceptual information.

Аннотация: В статье автор исследует проблему делимости текста в малых литературных формах арабской художественной прозы на примере рассказа «Жизнь для других» лауреата Нобелевской премии по литературе египетского писателя Нагиба Махфуза. При этом вскрывается индивидуальная манера Нагиба Махфуза актуализировать отдельные моменты, относящиеся к содержательно-концептуальной информации. По мнению автора членение на первый взгляд непрерывного повествования происходит за счёт чередования эпизодов, объединённых в СФЕ, использования диалогов, прямой речи героев и внутреннего монолога главного героя, которые связаны между собой графически. Автор статьи приходит к заключению, что в рассказе просматривается уникальный авторский приём писателя, а именно: остановиться, чтобы затем продолжить дальнейшее повествование неожиданным образом. Автор статьи выдвигает гипотезу о том, что такой приём намеренно запрограммирован писателем.

Ключевые слова: делимость текста, малые формы, содержательно-концептуальная информация.

Проблема делимости текста в арабской художественной прозе мало изучена. Особенно это касается малых литературных форм – рассказов и новелл, где весьма своеобразно пересекается членение текста по двум известным в лингвистической науке видам: объёмно-прагматическому и контекстно-вариативному. При этом для анализа текста рассказа (новеллы) используется лишь часть объёмно-прагматического членения. Это, как правило, могут быть: отбивка (объём текста менее главы), абзац и СФЕ (сверхфразовое единство).

В большей степени в членении текста малой литературной формы участвует контекстно-вариативное деление: повествование, описание природы, внешности персонажей, обстановки, ситуации, места действия; рассуждения автора; чужая речь, диалог, цитация, несобственно-прямая речь [1, С.52]. Оба этих вида членения текста связаны между собой и имплицитно раскрывают содержательно-концептуальную информацию (СКИ) рассказа (новеллы).

«Проникнуть в прагматику членения текста – задача трудная и решение её нередко носит субъективный характер», – считает выдающийся лингвист И.Р. Гальперин [1, С.52]. Согласимся с учёным, тем более что речь в исследовании пойдёт о малых литературных формах в

творчестве арабских писателей – теме, мало изученной нашими отечественными лингвистами. Однако, как далее пишет Гальперин, ссылаясь на М. Цветаеву «...само чтение есть разгадывание того, что скрыто за словами, за строками – своего рода сотворчество...» [1, С.52].

Сделаем попытку рассмотреть прагматику членения текста малой литературной формы, применив логико-прагматический подход [2, С.23-57] на примере рассказа египетского классика художественной прозы Нагиба Махфуза «Жизнь для других».

Рассказ начинается с повествования, описания природы, внешности, места действия и характеристики главного персонажа рассказа. Предложения объединены в единое СФЕ и структурно представлены (в арабском тексте) двумя абзацами. Связанные между собой оба вида членения текста предваряют имплицитное раскрытие СКИ рассказа, традиционно, для арабского языка, стремящегося к максимально подробному изложению в небольшом по размеру тексте:

«В вечернее время Абд ар-Рахман-эфенди любит спускаться в сад своего небольшого дома. Это стало для него привычным делом. Тут, в саду, он проводит большую часть года, ведь мужчина из той редкой породы лю-

дей, которые покидают свой дом лишь по неотложным делам.

Так он поступил и тогда, в один из погожих сентябрьских дней. Мужчина окинул свой сад хозяйским взглядом, прошелся по змеящимся дорожкам и, бросил взгляд на кусты роз и вазы с цветами. Затем он уселся в кресло возле забора из колючей проволоки, которая отделяла его дом от соседнего и, развернув вечернюю газету, погружился в чтение.

В его походке, как и манере сидеть чувствовалась основательность. Любог, увидев его, ни минуты не усомнился бы в том, что перед ним хозяин дома и глава семейства. От мужчины, его движений веяло спокойствием и уравновешенностью. Во взгляде его глаз затаилась степенность, мужественность и ответственность.

Абду имел большую голову и пышные усы. На вид ему было все сорок лет, хотя в действительности его возраст составлял без нескольких месяцев тридцать пять».

ساعة الأصيل هي الساعة المختارة التي يهبط فيها عبد الرحمن أفندي الي حديقة البيت الصغير، و هي عادته التي يلازمها أو التي تلازمه أغلب شهور السنة: لانه من القلة النادرة التي لا ترتاح الي ترك البيت الا لعمل أو ضرورة. و قد نزل الي الحديقة ذلك اليوم من أيام سبتمبر المعتدلة، و ألقى عليها النظرة المعهودة، و تمشّي بين طرفاتها الملتوية يسرح بصره بين شجرات الورد و أصص الزهور، ثم جلس علي أريكة علي كذب من السورالمقام من الاسلاك الشائكة الذي يفصل بين حديقة بيته و حديقة البيت المجاور، و بسط جريدة من جرائد المساء كانت مطوية تحت ابطه و مضي يطالع.

و كان مشيته كما كان في جلسته آية للرزانة: فمن كان يراه لا يشك لحظة في انه رب بيت و عاهل أسرة، فحركاته و ايماءاته تقرن دائما بالهدوء و الاتزان، و نظرة عينيه تلوح فيها الرزانة و الرجولة و المسؤولية، و رأسه الكبير و شاربه الغزيريدلان علي أنه ابن أربعين و ان كان في الحقيقة لم يجاوز الخامسة و الثلاثين الا بشهور قلائل،

Далее прослеживается развитие ситуации. В следующем эпизоде появляется молодая девушка с маленькой собачкой. Соседка по дому, Самара. Подчёркивается

юная красота и свежесть девушки и её отношение к главному герою, как к «дяде», другу своего отца. Девушка не воспринимает Абду как мужчину, и это обстоятельство глубоко задевает его, мечтающего взять в жёны юное создание.

Новое СФЕ начинается с диалога между ними. Оно перемежается любованием главного героя девушкой, которую он знает с самого раннего её детства, и к которой теперь не безразличен как к юной женщине. Каждое появление её в доме соседа отзывается радостью и счастьем в сердце Абду:

«Здравствуй, дядя!

Абду, убрал газету от своего лица и поглядел в сторону соседнего сада. В его взгляде читалась радость. Там он увидел черноглазую девушку. Её ясные глаза смотрели на мужчину доверчиво и доброжелательно. Мужчина ощутил острое чувство, словно бы в его лицо пахнуло прохладным ветерком, смешанным с запахом жасмина.

— Здравствуй, Самара, — ответил он.

Девушка улыбнулась ему и принялась играть со своей маленькой белой собачкой. Самаре исполнилось шестнадцать лет. Лицо девушки привлекало юной свежестью, а гибкая фигура расцветающей женственностью. Глядя на Самару, на её загорелое лицо, Абд ар-Рахман испытал такое чувство, будто бы его окунули в сумерки вечерней зари.

С ноткой нежности и лукавства мужчина спросил:

— Самара, ты раздобыла новую кожу?

Девушка рассмеялась. Затем погладила по спине свою собачку и перевернула её.

Выражение лица мужчины изменилось. Ушли серьёзность и сосредоточенность. А их место заняли мягкие мечтательные черты. Абду время от времени бросал на девушку долгий влюблённый взгляд.

Шелковистые локоны волос Самары рассыпались вокруг её шеи и щёк. Абд ар-Рахман продолжал любоваться ею. Но, вдруг, его сердце сжалось, а взгляд мужчины стал отрешённым, не видящим ничего прямо перед собой. Он осознал, что поведение Самары в отношении его не изменилось со времени её детства и отрочества. Самара до сих пор называет его дядей, как делала это ещё играя в куклы! Раньше это радовало Абд ар-Рахмана, он видел в этом выражение дружеских чувств девочки и её отца. Однако теперь такое обращение не только не радует, но и обижает вплоть до стеснения в груди.

- سعيدة يا عمي!
فأزاح الجريدة عن وجهه و نظر الي حديقة
البيت المجاور نظرة التمتع فيها الابتهاج، فرأي وجهها
مشرقاً يرنو بعينين سوداوين صافيتين يطالعانه
بالبراءة. فأحسّ احساس الحرّان هب عليه نسيم بارد
معطر بالياسمين ، و رد تحيتها قائلاً: أهلاً بالآنسة
سمارا.

فابتسمت اليه و وقفت تلاعب كلبها الابيض
الصغير. كانت في السادسة عشرة
يتجاذب وجهها الصبوح و قدّها المشوق
براءة الصّبا و أنوثة الشيا.

و قال برقة: لقد
اكتسبت بشرة جديدة ياسمارا.
فاستضجكت، و عدا
الكلب في تلك اللحظة فولّته
ظهرها و عدت وراءه.

و بدا عليه تغير ظاهر، ففاضت من عينيه
نظرة الجد و الرزانة و خأفتها نظرة جنان و أحلام.
و طاب له أن يختلس منها نظرات طويلة سعيدة،
فشاهدها

. و في أثناء ذلك ندّلت خصلات شعرها
الحريري و حامت حول عنقها و خديها. و كان في
مشاهدته سعيداً مبتهجا، و لكن انقبض صدره فجأة
فلوي رأسه و نظر الي الامام بعينيه لا تريان شيئاً؛
لانه تذكر أن سلوكها نحوه لم يتغير منذ كانت تدرج
في الطفولة و الصّبا ، و انها ما تزال تناديه بقولها
"عمي" كما كانت تفعل و هي صغيرة تلعب
بالعرائس. و كان فيما مضي يفرح بهذا النداء و يعدّه
آية علي ما له في نفسها و نفس أبيها من المودة و
الصدّاقة، اما الآن فهو يضيق به و يتأدّي منه و لا
يكاد يسمعه حتي ينقبض صدره و تتولّي عنه
المسرّة.

Автор рассказа рисует терзания Абду, который ведёт внутренний разговор сам с собой. Мужчина давно любит Самару. Он много старше, ему тридцать пять, а его избраннице лишь шестнадцать. Он не знает, любит ли она его, ведь она до сих пор называет его «дядей», как в своём детстве? Кроме того, он всего лишь скромный чиновник с окладом в пятнадцать фунтов! Что он может дать ей? Кроме того, как сказать о своей любви её отцу и своему другу одного с ним возраста?

Абду весь мысленно в своих мечтах и сомнениях из которых его выводит вопрос девушки, заставляя вернуться к реальности.

Писатель членит текст диалогами главных героев, пока, не меняя характера изложения, но, одновременно, заставляя читателя остановиться и оторваться от последовательного изложения событий, концентрируя своё внимание на том, что последует дальше.

Нет сомнения в том, что членение всего рассказа запрограммировано его автором. Просматривается некая тенденция – остановиться, чтобы продолжить дальнейшее повествование. И, такая остановка происходит несколько раз в течении всего произведения. Первая – реакция девушки на нового героя – брата Абду, Анвара, который внезапно вводится писателем в повествование, меняя ход событий:

«Затем он попытался взглянуть ей в глаза и с удивлением заметил, что Самара переменялась в лице, на щеках ее появился румянец, губы задрожали, она с испугом смотрела мимо него — и вдруг побежала к дому. Абд ар-Рахман обернулся и увидел своего брата Анвара, который, улыбаясь, приближался к нему. В сердце мужчины закрались страх и разочарование. Пересилив себя, он приветливо спросил брата:

— Как дела, доктор?

Юноша засмеялся:

— Какой ты счастливый, брат!

Абд ар-Рахман сразу догадался, что он имел в виду, сказав это, но сделал вид, будто не понял, и переспросил:

— Счастливый?

— Конечно. Тот, кто разговаривает с Самарой, должен чувствовать себя счастливым...»

ثم لاحظ تغيراً فجائياً يطرأ عليها، فرأي وجنتيها تتوردان و شفثيها تقلقان ، و عينيها تتحولان الي هدف وراءه.. و شاهدها تفرّ نافرة الي داخل البيت، و نظر خلفه دهشاً فرأي نور يقف مبتسماً و يمدّ له يده للسلام، و أحسّ بكآبة لم يدر ما سببها، و خفق قلبه خفقان الخوف و الخيبة، و لكنه سلّم عليه مبتسماً و قال له: أهلاً، كيف حالك يا دكتور؟

فضحك الشاب و قال بصراحة: كم أنت سعيد يا أخي!

و ادرك ما يعني من اتجاه بصره و لهجته، و
آلمه ذلك غاية الألم، و لكنه تجاهل الامر و قال
بانكار: سعيد؟
- طبعاً، من يحدث سمارا ينبغي أن يكون
سعيداً.

Писатель вновь членит текст диалогом между двумя братьями, вводя авторские ремарки, которые проявляются через предчувствие беды, которые ощущаются главным героем:

«Мужчина подумал: На самом деле счастлив не тот, кто говорит с Самарой, а тот, при виде которого она краснеет и убегает»

. ليس السعيد حقاً من تحدثه سمارا. و لكنه
من تخجل من محادثاته و من يتورّد وجهها حين
رؤيته فلا تملك إلا أن تقرّ هاربة..

Приближается кульминация повествования, однако писатель искусственно несколько затягивает развязку, приостанавливая ход событий, чтобы затем более полно подчеркнуть всю тяжесть личной трагедии главного героя, Абду:

«Сначала выслушай меня, — заговорил Анвар, продолжая стоять. — Я сейчас на распутье. Через месяц кончается моя врачебная практика в больнице. Мой преподаватель, доктор Браун, рекомендует меня в состав группы на медицинский факультет.

Абд ар-Рахман сразу почувствовал облегчение и радостно воскликнул:

— Поздравляю! Поздравляю! Без сомнения, ты достоин этого.»

و لكن الشاب قال باصرار: استمع لي أولاً
يا أخي؛ فان حياتي في مفترق الطرق.
فسكت الرجل و أردف الشاب: ستنتهي بعد
أشهر مدة تمريني كطبيب امتياز في القصر، و قد
أخبرني أستاذي الدكتور براون بأن النية متجهة الي
اختياري عضواً في بعثة كلية الطب.
فأحسّ الرجل بارتياح غير منتظر و قال
بفرح: مبارك، مبارك. أنت أهل لذلك بغير شك.

И, вот, наконец кульминация, в дальнейшем диалоге между братьями:

— «Если бы я уехал, то не один...

Анвар справился с волнением и продолжал:

— Я уеду с женой, если этого пожелает Аллах...

Брат помолчал некоторое время и, справившись с волнением, спросил:

— Я так понимаю, ты уже сделал выбор?

— Самара, - кивнув в сторону дома соседей, произнёс Анвар.

اني اذا سافرت فلن أسافر منفرداً سأسفر
-زوجاً ان شاء الله
و سكت الاخ لحظة يغالب عواطفه ثم قال:
هل افهم من ذلك أنك وفقت الي الاختيار؟
فأحني الشاب رأسه، و أشار بذقنه الي بيت
الجار و قال:
- سمارا.

Происходит самое худшее, что могло произойти в жизни главного героя.

Писатель рисует его волевым человеком, преисполненным чувства долга перед семьёй. Он не может помешать счастью своего брата, который переступил ему дорогу и желает до своего отъезда в Англию жениться на единственной на свете женщине, которую так любит Абду!

Следующее СФЕ содержит имплицитное повествование о том, как после смерти отца, мужчина берёт на себя тяжкое бремя заботы о семье: матери и своих младших братьях, отказывая себе в личном счастье. Мужчина долгие годы жил ради семьи. Двое его братьев женились. Остался лишь один, последний, студент-медик. Теперь же он, старший брат, горячо пожелал личного счастья, на которое, выполнив все обязательства перед семьёй, имеет право. Но счастье, такое близкое, неожиданно ускользает от него. Он жертвует им ради своего младшего брата.

В художественной литературе такой приём называют авторским отступлением. В лингвистике – сентенцией, которая также играет роль «...торможения» повествования. Такие торможения дают возможность автору «в открытой форме высказывать личные суждения по различным вопросам, имеющим прямое или косвенное отношение к центральной теме...» [3, С145]

Здесь членение текста представлено чередованием

повествования автора рассказа о жизни мужчины, его жертвенности и преданности семье, которое представлено воспоминаниями главного героя.

Писатель заставляет читателя оторваться от последовательного восприятия повествования и призывает к сопереживанию, фактически высказывая своё отношение к происходящему. Когерентность рассказа представлена во всей полноте и венчается его названием: «Жизнь ради других.»

Из изложенного выше можно сделать следующие выводы:

Членение текста рассказа «Жизнь для других» вскрывает индивидуальную манеру писателя Нагиба Махфуза актуализировать отдельные моменты, относящиеся к со-

держательно-фактуальной информации. Это членение на первый взгляд непрерывного повествования происходит за счёт чередования эпизодов, объединённых в СФЕ, использования диалогов, прямой речи героев и внутреннего монолога главного героя. Все эти моменты связаны графически. Автор, продолжая сюжетную линию, использует приём остановки перед её продолжением, для того чтобы заставить читателя активизировать свои когнитивные способности в рамках эстетико-познавательного процесса.

Вместе с тем, текст произведения завершён и интегративен. Интеграция частей рассказа осуществляется по мере развёртывания повествования и приходит в конечном итоге в логическую связь с категорией завершённости.

ЛИТЕРАТУРА

1. И.Р. Гальперин. Текст как объект лингвистического исследования/Отв. ред. Г.В. Степанов. Изд. Стереотип. -М.: ЛЕНАНД, 2024.-144с. (Лингвистическое наследие XX века).
2. Dijk 'T.A. van. Pragm atics and poetics. — In: Pragm atics of Language and Literature. / Ed. by van Dijk T.A. Amsterdam; Oxford, 1976, p. 23-57
3. А. Квятковский. Поэтический словарь. М., 1966; посл.изд.: М.: URSS.2024

© Попенков Олег Николаевич (oleg.popenkov@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»